

ТЕМА 6

Аккультурация как процесс освоения иноязычной культуры

6.1. Языковые и культурные барьеры

В современной науке нет однозначного понимания термина аккультурация. Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров понимают под аккультурацией «усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры» [18: 11]. Представители социальной психологии понимают этот термин по-своему, применяя его к монокультурной коммуникации, в условиях которой человек вынужден усваивать нормы поведения новой для него социальной среды – армия, тюрьма и т.п. В рамках мкк как области знаний этот термин, безусловно, используется в первом из приведенных значений. Д.Б. Гудков внес существенные коррективы в трактовку понятия аккультурации, подчеркнув, что необходимо различать два типа приобщения к чужой культуре: 1) характерные для иммигрантов рекультурацию и ресоциализацию, которые приводят к серьезной трансформации существующих связей, моделей поведения и ценностных установок, что неизбежно вызывает десоциализацию и декультурацию и 2) знакомство инофона, сохраняющего свою принадлежность к определенной национальной культуре, с культурой страны изучаемого языка – то есть процесс, который не сопровождается кардинальной трансформацией ценностей родной для инофона национальной культуры, продолжающих существовать в неизменном виде [2: 87].

С этими различиями связано и разное отношение исследователей к процессу аккультурации: исследователи могут спорить между собой во взглядах на процесс аккультурации, включая в понимание термина разное содержание. При этом они расходятся и во взгляде на то, является ли аккультурация в ее втором, позитивном, понимании основной целью поликультурного и мультиязычного образования. Те из исследователей, которые признают эту цель в качестве главной, считают достижимым и воспитание поликультурной личности. К ним относятся М. Беннет, Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин и др. Другие исследователи считают не только недостижимым, но и ненужным полное вхождение инофонов в неродную для них культуру, их превращение в «своих» в иноязычной культуре или обретение так называемого «статуса гражданства» в ней. К числу этих исследователей относятся С.Г. Тер-Минасова, Д.Б. Гудков, В.А. Масленникова, Л. Сальмон и др.

Языковые барьеры для людей, делающих попытки говорить на иностранном языке, связаны с недостаточной лингвистической компетенцией – недостаточным владением разными уровнями языка: фонетическим, лексическим, грамматическим, синтаксическим. К сбоям в общении могут приводить ошибки или незнание в любой из этих сфер.

Хочу привести один пример из собственной практики международного общения. Однажды у меня в гостях были бельгийские кинорежиссеры, создатели документальных фильмов. Их целью было развеять негативное представление о России, создав положительный образ современной России через призму портретной галереи людей – не отступающих перед житейскими трудностями, борющихся и создающих своим трудом новую жизнь. Вместе с бельгийскими гостями мы с коллегами – преподавателями и переводчиками – бурно обсуждали, каких персоналий можно пригласить в качестве героев-персонажей этой киноленты. Обсуждение, по русской традиции, сочеталось с застольем. Один гость из русских, желая сделать мне комплимент по поводу того, что я вкусно готовлю, но, владея при этом очень маленьким словарным запасом английского языка, употребил английское слово *cook*; и вся фраза в буквальном переводе на любой язык звучала следующим образом: «Светлана – отличный повар». Бельгийский режиссер растерялся: «Как?! А мне в Бельгии сказали, что она в университете преподает...».

Интересные примеры того, как недостаточное владение лексическим фондом языка общения приводит к коммуникативным сбоям и даже серьезным конфликтам, привел Д.Б. Гудков:

1. «Русский предприниматель в беседе со своим американским коллегой обратился к тому со следующими словами: “Я был в одной фирме и забросил там удочку насчет твоего предложения”. Американец совершенно не понял вторичную номинацию «забросить удочку», что привело к непониманию им приведенного высказывания» [2: 60]. Это пример коммуникативного сбоя.

2. «В беседе с кубинским курсантом, обучавшимся в советском военном училище, его русский сокурсник, рассказывая какую-то историю, употребил асемантический обценный оборот “... твою мать”. Вспыхнула жестокая драка, ибо кубинец воспринял данное выражение буквально, осемантизивовав асемантический фразеологизм, являвшийся в этом случае просто словом-паразитом, и решил, что ему нанесено одно из самых страшных оскорблений» [2: 60]. Данный случай является примером коммуникативного конфликта.

Освоение одного только лексического уровня языка есть проблема, неизмеримо более сложная, чем может показаться. Во-первых, потому, что слово не живет в контексте предложений и фраз изолированной жизнью; сочетаемость слова с другими словами может очень сильно варьироваться в зависимости от конкретного контекста, и поэтому реальное употребление слов становится возможным только при наличии знаний о возможностях таких контекстуальных сочетаний.

Во-вторых, чтобы правильно употребить слово, надо знать, по выражению С.Г. Тер-Минасовой, как это слово там, в другой культуре, «живет»: что за ним стоит. А постичь это мешает огромная культурная разница, культурные различия. (Поэтому изучение межкультурных различий в настоящий момент являет-

ся одной из «ядерных» зон в проблематике межкультурной коммуникации – *примечание мое – С. П.*).

Люди с непродвинутым уровнем владения иностранным языком ошибочно полагают, что главное – освоить лексический пласт языка, и тогда общение потечет, «как по маслу». Это глубокое заблуждение. Можно привести огромное количество примеров того, как отсутствие компетенции в других уровнях языка приводили к коммуникативным сбоям.

Однако знание иностранного языка не решает проблему коммуникативных трудностей. И происходит это потому, как заметила С.Г. Тер-Минасова в своем устном докладе «Можно ли построить Вавилонскую башню?» на XVI международной конференции в Томске «Язык и культура в евразийском пространстве», что за барьерами языковыми незримо встают барьеры культурные, и как раз эти барьеры являются самыми труднопреодолимыми. Иностраный язык есть «тропинка, которая не просто ведет в другой мир, но которая уводит из мира родной культуры». В мире другой культуры действуют другие обычаи, используются другие правила общения, в общем, существуют другие культурные паттерны, на которых держится основание иноязычной культуры. Нарушение этих правил воспринимается носителями данной культуры как покушение на «святое святых» культуры, как посягновение на основания национальной жизни. Особенность культурных барьеров в том, что культурные ошибки воспринимаются более негативно и болезненно, в то время как ошибки языковые не вызывают особого раздражения, а иной раз могут даже умилять носителей языка. Характерной чертой русской национальной культуры С.Г. Тер-Минасова называет ту особенность, что языковые ошибки не прощаются своим, тогда как культурные ошибки не прощаются никому. Культурный барьер «торпедирует общение». Для того чтобы преодолеть культурные ошибки, нужно приложить колоссальные усилия. Первейшим условием преодоления ошибок межкультурного общения выступает обретение так называемых «фоновых знаний» о культуре страны изучаемого языка. А культура, по выражению С.Г. Тер-Минасовой, – «это весь мир и жизнь» – экономика, политика, религия, литература и т. д., и т. д. И если бы те, кто берутся изучать иностранный язык, это заранее знали, то «смельчаков заняться этим делом было бы гораздо меньше».

Существование культурных барьеров объясняется тем свойством культуры, что она не является «просто обычаем, который можно надеть или сменить как костюм» (выражение Э. Холла). Родная культура «пронизывает» всего человека, «пропитывает» все поры его духовного и физического существования (метафора автора данного пособия – *С.П.*). Чужая культура означает совершенно иной «способ организации жизни людей, их мышление, восприятие основополагающих принципов относительно семьи и государства, экономической деятельности <...>» [6], иное понимание смысла человеческого существования.

Кроме того, одного теоретического освоения основ иноязычной культуры, конечно, недостаточно. Нужен солидный опыт межкультурного общения.

Только в практике общения с представителями другой культуры, в постоянном контакте с ними можно не только научиться имитировать принятые в другой культуре правила речевого этикета, поведенческие жесты, но и приучить себя к их восприятию как элементов осознания собственной культурной идентичности (элементов так называемой «вторичной» культурной самобытности), т. е. только став поликультурной личностью (подробно о духовно-психической структуре поликультурной личности см. ниже, подглавку 4 данной главы).

Одной из причин, объясняющей трудность преодоления культурных барьеров, выступает то, что наиболее очевидные вещи в культуре являются одновременно и наиболее трудными для понимания. Э. Холл показал, что эти «очевидные вещи» прячутся не только от глаз «чужаков», но парадоксальным образом скрываются даже от самих носителей культуры.

Самая широкая классификация языковых ошибок (их можно анализировать и корректировать, не выходя за пределы собственно языковой системы и ее речевой реализации) подразделяет их на **ФОНЕТИЧЕСКИЕ** и **ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ**. При общении коммуникантов на русском языке как международном фонетические ошибки, «хотя и могут затруднять понимание высказывания, не “блокируют” это понимание»: носители языка видят ошибку и способны адекватно интерпретировать коммуникативную цель инофона. Примеры фонетических ошибок: отсутствие у инофонов, говорящих на русском языке, редуции [о] в безударных слогах ([молоко] вместо [мьлько], заднеязычность [р], придыхательность [т] не мешают различению русских фонем [2: 67]. Фонологические ошибки ведут к неадекватности в понимании и коммуникативным неудачам, потому что искажают смысл высказывания и приводят к его неверной интерпретации. Примеры фонологических ошибок: неразличение твердости/мягкости русских согласных ([угъл] и [угъл’], неразличение японцами, китайцами и корейцами [л] и [р], испаноговорящими [ч], [ш], [щ], [ж]).

Недостаточное владение лексическим фондом языка может приводить как к фонетическим ошибкам (например, неразличение инофоном лексем *дом* и *здание*), так и к фонологическим (*цирк* и *церковь*).

Недостаточное владение морфологическим уровнем языка может также породить оба вида этих ошибок (*Я где-то увидел эту женщину, но не помню где* – фонетическая ошибка, основанная на неправильном употреблении вида глагола в общефактическом значении. *Он приехал, когда его отец умирал* вместо *Он приехал, когда его отец умер* – фонологическая ошибка, основанная на неразличении видо-временных параметров) [2: 67–68].

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ошибки, относящиеся к самым разным уровням языка, подразделяются на:

а) **технические** (вызваны неверным фонетическим или графическим оформлением речи; их причина – слабое владение фонетикой, графикой и орфографией иностранного языка);

б) **системные** (вызваны слабым владением системой значений различного уровня и способами их выражения). В свою очередь **системные** ошибки подразделяются на:

- **интонационные** (вызваны недостаточным пониманием смысловозначительной способности интонационного строя иностранного языка) (пример см.: Гудков Д.Б., с. 68-69);
- **лексические** (вызваны слабым владением системой лексических значений ИЯ; внутри них также можно выделить разные подвиды. Пример: *Ты говоришь очень тихо, я тебя не слушаю* вместо <...> *не слышу*);
- **грамматические** (вызваны слабым владением системой грамматических значений ИЯ. Этот подвид ошибок также может быть разделен на несколько подвидов. Пример: *К тебе два часа назад пришел Андрей* вместо <...> *приходил*).
- **словообразовательные** (их бывает сложно отличить от грамматических и лексических ошибок. Примеры: *запобеждал* вместо *начал побеждать*, *приездил* вместо *приезжал*. Если иметь в виду РЯ как иностранный, то особой «зоной» сложности для инофонов является приставочное словообразование глаголов [2: 70] . Пример из моей практики мкк: *Это такой тупизм!* вместо <...> *тупость*).

При рассмотрении **КУЛЬТУРНЫХ ОШИБОК** нельзя оставаться в сосюринанской парадигме, для этого необходим выход за пределы собственно языка в его структуралистском понимании. Д.Б. Гудков условно называет этот вид ошибок **ДИСКУРСИВНЫМИ** и подразделяет их на:

А) **Этикетные** (вызваны незнанием речевого этикета, социально-ролевых аспектов коммуникации). Примеры: американские студенты могут обращаться к русским преподавателям на ты, по имени, да еще и в уменьшительной форме – Дима, Володя, Маша.

Б) **Ошибки в пользовании стереотипами** делятся на:

- **Ошибки, вызванные невладением социокультурными стереотипами речевого общения** (это ведет к неверному использованию стереотипных речевых формул). Пример: стереотипный для русского вопрос «Вы выходите на следующей остановке?» может быть воспринят японцем как вторжение незнакомого человека в его личную жизнь; при этом коммуникативная цель спрашивающего для японца непонятна, а практическая цель не реализована [2: 72]. К этому типу ошибок исследователи относят и неадекватное использование элементов одного речевого жанра в текстах, принадлежащих к другому речевому жанру. (Яркие примеры, вызывающие комический эффект при восприятии речи инофонов русскими коммуникантами, см.: Гудков Д.Б., с. 73–74).

- **Ошибки, вызванные невлаждением ментальными стереотипами когнитивного сознания носителей ИЯ.** Яркие примеры таких ошибок мы находим при употреблении инофонами зоонимов, связанных со стереотипным представлением о качествах того или иного животного. Так, японец может не понять, почему русский называет свиньей человека, который вовсе не является толстым, так как не знает, что стереотипное представление русскоговорящих о свинье кроме полноты связывает со свиньей еще и представление о физической нечистоплотности.

В) «**Энциклопедические» ошибки** (вызваны невлаждением инофоном фоновыми знаниями ИЯ, общими для всех его носителей. Пример: немецкая студентка не поняла, почему ее русский знакомый назвал своего приятеля левшой, хотя тот не был левшой в прямом смысле этого слова. (Другие примеры см.: Гудков Д.Б. , с. 77).

6.2. Культурный шок в процессе освоения чужой культуры

Л. Сальмон указывает на то, что в межкультурной коммуникации особенно эффективными и функциональными являются понятия *culture shock* и *culture bump* [19: 249]. (Здесь и далее ссылки на Л. Сальмон даются по этому изданию). Культурный шок имеет место быть тогда, когда происходит столкновение неродного билингва с изучаемой иноязычной культурой – лингвокультурой-2 (в дальнейшем ЛК-2) на разных фазах погружения билингва в ЛК2. Даглас Браун определяет культурный шок как «feelings in the learner of estrangement, anger, hostility, indecision, frustration, unhappiness, sadness, loneliness, homesickness, and even physical illness» [цит. по: 19] – «чувства отстраненности, гнева, враждебности, нерешительности, фрустрация (состояние апатии, вызванное стрессом), печали, тоски по родине и даже физическое недомогание» (здесь и далее перевод английских фрагментов из статьи Л. Сальман выполнила О.Г. Казак).

Э. Холл замечает, что «состояние культурного шока бывает вызвано исчезновением или искажением привычных толкований», которые верно служили человеку на его родине для объяснения окружающего мира, «и заменой их другими толкованиями, которые кажутся незнакомыми и непонятными» [6: 294].

Социологи в своих определениях также не меняют сущности понятия культурный шок. Так, А.Г. Ионин определяет культурный шок как «конфликт старых и новых культурных норм и ориентаций», как «конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания» [цит. по: 20: 104].

Явления *culture shock* и *culture bump* отличаются прежде всего своей *длительностью*. Термин культурный шок следует применять в том случае, когда имеется в виду «болезненная, *продолжительная* и проходящая» фаза шока, «необходимая для достижения «положительного» результата» – симбиоза с новой лингвокультурой [19: 249]. В этом случае изучающий иностранный язык проходит через фазу культурного стресса, напоминающую шизофрению. Если

же феномен столкновения с иноязычной культурой характеризуется мгновенностью, он определяется термином *culture bump*. В этом случае «when an individual has expectations of one behavior and gets something completely different <...> culture bumps are instantaneous, usually over within minutes or even seconds <...> One does not have to leave one's culture in order to experience a culture bump» [цит. по: 19] – «когда индивидуум ожидает одну линию поведения, но встречается с чем-то совершенно другим <...>, происходит мгновенное культурное столкновение, продолжительностью обычно несколько минут или даже секунд <...>. Не нужно даже отрываться от своих корней, чтобы пережить культурное столкновение».

Избежать культурного шока не удастся никому из числа людей, изучающих иностранный язык.

6.3. Модели аккультурации. Формирование межкультурной компетенции

Л. Сальмон делает ссылку на англо-американских исследователей процесса аккультурации и достижения вторичной самобытности 80-х гг. XX в. – У. Актона и Дж. Уолкера де Феликса, предложивших схему этапов, которые проходит инофон от первого контакта с ЛК-2 до окончательной, полной ассимиляции с ней. В этой схеме 4 этапа: 1) «туристический», во время прохождения которого новая культура совершенно недоступна обучающемуся, который прибегает при общении исключительно к ресурсам родного языка; 2) «выживание» – этап, на протяжении которого понимание новой культуры происходит по принципу имитации, с целью стать «воспитанным» носителем иностранного языка (в этой фазе ИЯ приравнивается к своего рода пиджин); 3) «иммиграция» – этап, во время которого изучающий иностранный язык становится его опытным носителем, познавшим страну изучаемого языка и хорошо разбирающимся в разных ситуациях межъязыковой коммуникации (Л. Сальмон делает замечание, что *большинству людей не удастся преодолеть этот этап* – [19: 248]. 4) «Гражданство» – этап, на котором *якобы* достигается уровень носителя языка; от инофона ожидается, чтобы его произношение и жесты стали очень похожими на носителей языка. Л. Сальмон выражает глубокое убеждение в том, что «последняя фаза представляет собой лишь потенциальную, но недостижимую цель» [19: 248]. Таким образом, *поликультурная личность есть не столько реальность межкультурной коммуникации, сколько некая идеальная модель, определяющая направленность развития личности в процессе освоения ею иностранных языка и культуры*. В повседневной практике межкультурной коммуникации мы гораздо чаще имеем дело не с поликультурными личностями в полном и глубоком смысле этого слова, сколько с личностями гибридного типа. Гибрид отличается от поликультурной личности примерно так, как отличается идеал от действительности. Действительность, писал Ф.М. Достоевский в

«Дневнике писателя» (по другому поводу) «всегда отдаёт сапогом» (т. е. представляет собой очень грубую копию идеала – С. П.).

Далее автор статьи разворачивает свою критику в адрес авторов названной выше концепции: Актон и де Феликс в любом случае исходят из аксиомы, что чем лучше инофон знает иностранный язык, тем проще осуществляется межъязыковая коммуникация. Дело в том, что это не всегда так. Сальмон отмечает, что в некоторых случаях срабатывает принцип «чем дальше, тем хуже», т. е. чем глубже уровень овладения иностранным языком, тем более сложные и неожиданные препятствия при общении на нем могут возникать. Эта парадоксальная ситуация означает, что у инофона с более низким уровнем овладения иностранным языком есть некоторые преимущества перед инофоном, дошедшим в своем развитии до этапа (стадии) гражданства. Парадокс объясняется тем, что инофон с низким уровнем овладения иностранным языком часто находится в ситуации полного непонимания, т. е. «очевидного краха коммуникации», которая гораздо менее опасна, чем ситуация недоразумения, в которую попадает инофон с высоким уровнем овладения иностранным языком: предполагается, что такой инофон глубоко понимает иноязычную культуру и ее представителей; на самом деле он все же не защищен от того, чтобы в конкретных ситуациях общения понимать «не то». Кроме того, если явному иностранцу носители родного языка сознательно делают скидки, оправдывая его странности, признают его право на эти странности, то иностранцу неявному, принятому в иноязычной культуре на правах «своего» и получившему в ней своеобразный статус «гражданства», носители родного языка таких скидок уже не делают и предъявляют к нему в полной мере все те претензии, которые они могут предъявить друг к другу, тогда как он все еще продолжает «одной ногой стоять в родной культуре», которая цепко держит в своей власти его сознание. Так автор статьи приходит к выводу о том, что очень высокий риск краха коммуникации имеет место быть именно в случаях с инофонами-билингвами с высоким уровнем овладения иностранными языком и культурой. В этих случаях родные носители языка общения забывают о едва ощутимой «гибридности» инофона, в то время как эта гибридность остается (и, замечает Сальмон, этому следует радоваться). Вторичная самобытность, в основном рационально обработанная, накладывается на первичную, родную самобытность, которая сформировалась в детстве на основе автоматических, неосознанных механизмов. Вторичная же самобытность, имеющая рациональную природу, лишена детского автоматизма в ЛК-2; ее обладателю не хватает всего запаса детских языковых ассоциаций, которые действуют как на уровне сознания, так и подсознания и управляют механизмами словесного творчества. Отталкиваясь от этой идеи Л. Сальмон, можно объяснить, почему способными к полноценному словесному художественному творчеству на иностранных языках оказались лишь те писатели и поэты, которые осваивали иностранные языки и общались на них с детства, например, М.И. Цветаева и В.Д. Набоков, но не Райнер Рильке, который, буду-

чи поликультурной личностью, принялся изучать русский язык уже в зрелом возрасте.

В противоположность данному взгляду *модель аккультурации*

М. Беннета является более оптимистической. Она включает типы восприятия межкультурных различий, соответствующие определенным этапам (и стадиям) аккультурации. Модель аккультурации М. Беннета можно представить в виде табл. 5.

Таблица 5

Типы восприятия межкультурных различий

Этноцентричные типы восприятия	Этнорелятивные типы восприятия
отрицание различий культур	принятие существования межкультурных различий
защита собственного культурного превосходства	адаптация к новой культуре
умаление (минимизация) культурных различий	интеграция в родную и иноязычную культуру

Данная схема была впервые в отечественной культурологии представлена в статье Н.К. Иконниковой «Механизмы межкультурного восприятия» [21: 27].

Характерной особенностью типа восприятия *отрицание различий культур* является то, что изучающие иностранный язык и культуру уверены в том, что все люди в мире разделяют или обязаны разделять одни и те же убеждения, установки, нормы поведения и ценности. Исследователи (М.А. Василик и др.) считают, что такая позиция является «типичной позицией обывателя, убежденного в том, что все должны думать и поступать так же, как он [5: 606]. Специалисты отмечают, что со временем отрицание как тип реакции на другую культуру претерпевает изменения, поскольку человек не может все время проявлять закрытость, замкнутость, сопротивляться давлению новых фактов, избегать встреч, тесного, эмоционально окрашенного контакта с представителями другой культуры. И в этом случае отрицание видоизменяется в защитную реакцию.

Для следующего типа восприятия – *защиты собственного культурного превосходства* – характерно признание самого факта существования других культур, но при этом существует устойчивое представление о том, что родная культура – лучшая в мире и единственно достойная подражания. Этот тип восприятия напоминает позицию древних греков, которые делили весь мир на эллинов, к которым они причисляли себя, и варваров, к которым они относили все остальные народы. Межкультурные различия уже не просто признаются, они отчетливо фиксируются в качестве негативных стереотипов. Весь мир людей делится на две части: мы – культурные, хорошие, правильные и они – наделенные всевозможными недостатками и представляющие собой полную противоположность нас. Характерной особенностью этого типа восприятия является то, что не-

гативные характеристики приписываются всем членам иноязычного сообщества, без выделения индивидуальных различий его представителей. Ценности и обычаи другой культуры признаются как представляющие угрозу привычному порядку вещей и сложившемуся образу жизни. Эта позиция является достаточно активной и порой агрессивной. Другая особенность данного типа восприятия – противостояние специфическим особенностям иноязычной культуры, в которых проявляются ее кардинальные отличия от родной культуры. У людей с этим типом восприятия могут возникнуть серьезные психологические затруднения для дальнейшего развития личности в направлении освоения иноязычной культуры: чувство ненависти к ней может породить возможность возврата к предшествующему типу – отрицанию различия культур, т.е. регресс, мешающий развитию прогрессивной позиции в процессе аккультурации.

Тип восприятия *умаление (минимизация) культурных различий* представляет собой последнюю попытку сохранить этноцентричную позицию. С точки зрения западных ученых, это достаточно продвинутая позиция в восприятии других культур. Ярким примером такой позиции является типичная реакция советского человека на существовавшие межкультурные различия внутри страны: «ценностное содержание национальных культур, этнических и религиозных групп оказывалось скрытым стереотипными общесоветскими символами» (один из таких символов – формула «новая историческая общность – советский народ» [5: 607]).

Тип восприятия *признание межкультурных различий* предполагает признание культурных различий как необходимого человеческого состояния. Сначала инофон признает различия в поведении представителей разных культур, а вслед за ним – различия в культурных ценностях. М. Беннет называет этот тип восприятия первым этапом этнорелятивизма.

Тип восприятия *адаптация* предполагает, что человек может временно вести себя приемлемо для чужой культуры, не чувствуя при этом угрозы ценностям своей родной культуры. Развиваются альтернативные коммуникативные умения и поведенческие модели. Адаптация начинается с сочувственного отношения к представителям другой культуры – эмпатии – и завершается формированием *плюрализма – особого мироощущения, характеризующегося не просто осознанием культурных различий, но их восприятием как части самого себя, как части собственной культурной идентичности*. Плюрализм – это составная часть высокого уровня сензитивности – межкультурной чуткости. *Фактическим результатом плюралистического мироощущения (или сознания) является бикультурализм или мультикультурализм*.

Адаптация предполагает умение инофона достаточно свободно ориентироваться в мире иноязычной культуры и приспособливаться к различным ситуациям общения внутри нее: инофон не только комфортно ощущает себя в мире иноязычной культуры, но может заниматься социально полезной деятельностью в этом мире. Это становится возможным благодаря тому, что он позитив-

но относится к другой культуре, принимает ее нормы и ценности и умеет жить по ее правилам. При этом сохраняется и собственная культурная идентичность инофона.

Позиция *интеграции* характерна для поликультурной личности, психологически готовой и социально способной к принятию множества реальностей. Эта личность обладает идентичностью особого рода: помимо собственных жизненных принципов такая идентичность включает в себя и жизненные принципы других культур. Ее характернейшая особенность – наличие так называемого «метасознания» – способности оценивать и анализировать несколько возможных вариантов культурного поведения в одной и той же ситуации общения, т. е. мысленно «проигрывать» эти варианты поведения в своем воображении, выбрав из них наилучшую модель. Таким образом, наличие «метасознания» предполагает умение делать так называемую *контекстуальную оценку* ситуаций общения, подниматься на метауровень анализа данных ситуаций.

В учебнике по основам мкк Т.Г. Грушевицкой, В.Д. Попкова и А.П. Садохина приводится очень точная аналогия: поликультурная личность на этапе интеграции в иноязычную культуру напоминает человека, который поднялся в гору и с высоты горной вершины смотрит вниз, на расходящиеся в разные стороны тропинки, под которыми, надо полагать, понимаются разные национальные культуры [13: 275–276]. Метафора подъема в гору в данном случае означает *полную свободу личности в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах*.

Приведенная модель аккультурации демонстрирует собой оптимистический взгляд на возможности освоения иноязычной культуры. Следует заметить, что не все исследователи национальных культур придерживаются точки зрения о возможности столь высокой степени их освоения. Так, выдающийся культуролог и лингвист Эдвард Холл писал: «Культура скрывает гораздо больше, чем раскрывает. Станным образом то, что ей удается скрыть, она наиболее эффективным образом прячет от самих носителей этой культуры. Годы исследований убедили меня в том, что гораздо более важной задачей является не понимание чужой культуры, а разгадка своей собственной. Я также убежден в том, что *при всем старании можно добиться лишь приблизительного понимания чужой культуры*» [6] (курсив мой – С. П.). Этой точке зрения мы склонны доверять, поскольку она принадлежит человеку, самоотверженно отдавшему изучению культуры не одно десятилетие своей плодотворной творческой жизни, человеку, воспринимавшему и интерпретировавшему культуру во всем многообразии ее проявлений, сложности и противоречиях, человеку, избегавшему излишних обобщений и поверхностных суждений о культуре, человеку, понимавшему и чувствовавшему ее глубинную суть. Многолетний опыт общения автора этого методического пособия со специалистами, исследующими культуру и язык, убеждает в том, что чем более глубокие познания в данной сфере они имеют, тем менее склонны предаваться эйфории о достижении *пределов* ее освоения.

Ибо чем шире область познанного, тем шире и область неизведанного – таков философский закон познания.

Формирование межкультурной компетенции

Межкультурная компетенция складывается на протяжении всех фаз (стадий) аккультурации личности, за исключением последней – интеграции, поскольку к этому моменту она уже сложилась.

Межкультурную компетенцию не следует путать с компетентностью: если последняя предполагает общую эрудицию, то первая – овладение специализированными знаниями из сферы иностранного языка и культуры.

Межкультурная компетенция включает, во-первых, *знания о национально-специфических особенностях культур, которые определяют различия в их базовых характеристиках; а также знания о нормах речевого поведения и этикета, принятых в других культурах, и умение строить свое поведение с учетом этих особенностей и норм.*

Во-вторых, межкультурная компетенция подразумевает *знания о различиях в системах ценностей и, прежде всего, в степени важности этих ценностей, т.е. в их иерархии*, поскольку именно в этом проявляются главные различия при сравнении культур. При совпадении общего состава базовых ценностей национальные (локальные) культуры могут существенно различаться тем, какое место занимают те или иные ценности в шкале их иерархии – находятся они в области «ядра» данной шкалы или на ее периферии.

Система ценностей национальной культуры непосредственно включает в себя *систему взглядов конкретного лингво-культурного сообщества*. В эту систему взглядов входят *видимые и невидимые составляющие*. К видимым относятся язык, законодательство, герои, ритуалы (например, ритуал прощания или свадебной церемонии) и другие. К числу невидимых составляющих относятся ценности (морально-нравственные, духовные, социальные и прочие), убеждения, общее для представителей нации восприятие времени и пространства, межличностных отношений (гендерных, возрастных, социально-иерархических), представления о власти, правде, свободе, справедливости и т.д.

Культурно грамотный переводчик должен понимать, что происходит, когда встречаются две культуры, соприкасаются два мировоззрения, в отношении вступают две системы ценностей; должен осознавать все разнообразие значений и коннотаций в разных культурах и субкультурах, в ситуациях и контекстах, существующих внутри них, должен знать, какие проблемы могут возникнуть, когда представители разных культур не знакомы с коннотациями лексических единиц в языке международного общения. Переводчик, не понимающий межкультурных различий, может быть источником порождения текста, не соответствующего оригиналу по содержанию, что приводит к коммуникативному сбою, разрыву коммуникации или даже к конфликту.

Структура межкультурной компетенции – сложное личностное образование, включающее знания о родной и иноязычной культуре, умения и навыки практического применения этих знаний, а также совокупность качеств личности, способствующих реализации этих знаний, умений и навыков, и практический опыт их использования в ходе взаимодействия с представителями иной культуры.

Вот как выглядит структура межкультурной компетенции, с точки зрения Александра Юрьевича Муратова [22], на рис. 4:

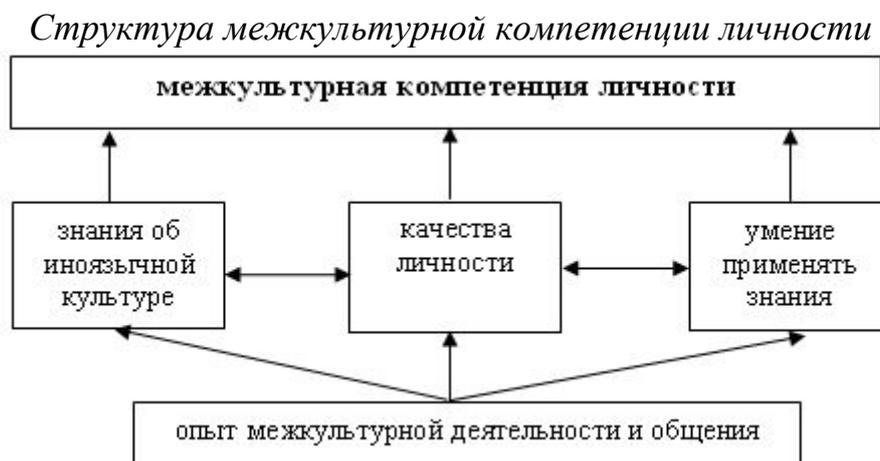

Рис 4.

P.S.: Стрелка с одним концом означает одностороннюю связь элементов системы; стрелка с двумя концами – взаимозависимость явлений.

Так, опыт межкультурного общения лежит в основе получения знаний об иноязычной культуре, умений применять эти знания и формирует качества личности изучающего иностранный язык. Все эти 4 компонента формируют межкультурную компетенцию личности инофона, в то время как качества личности, с одной стороны, способствуют получению знаний об иноязычной культуре и умению их применять, а, с другой стороны, сами формируются и изменяются под влиянием приобретенных знаний и умений.

6.4. Поликультурная личность как продукт аккультурации

Портрет поликультурной личности (в дальнейшем ПКЛ) представляет собой комплекс черт ее эмоционально-психического и духовного склада. В разных источниках по межкультурной коммуникации поликультурную личность называют еще межкультурной, интернациональной, универсальной. Ниже вы видите перечень черт ПКЛ, составленный нами с опорой на учебники и учебные пособия по межкультурной коммуникации и дополненный в процессе работы со студентами специализированного семинара по основам межкультурной коммуникации.

Черты (качества) поликультурной личности:

- Толерантность и этнорелятивистская позиция.
- Владение иностранными языками (имеется в виду продвинутый уровень) и отношение к ним как к суверенной ценности, как к отражению духовного богатства народа, его философии и психологии (по Гумбольдту). Это качество является обязательным, но не достаточным условием для формирования поликультурной личности.

- Наличие реального опыта общения с представителями других культур.
- Духовная и психическая открытость, восприимчивость к другим культурам, межкультурная чуткость (сензитивность). Это качество реализуется больше на уровне чувств, чем на рациональном уровне, с чем связано его большое значение в структуре поликультурной личности, поскольку именно на чувственном, иррациональном уровне проявляются глубинные «слои» личности.

- Эмпатия по отношению к представителям других культур (сочувствие и способность смотреть на явления действительности с позиций представителей других культур).

- Высокие адаптивные и ориентационные способности.

- Образованность, универсализм и широта взглядов, которые делают возможным *наличие метасознания*, т. е.:

- а) психологической и социальной готовности и способности понять множество реальностей;

- б) способности подняться на метауровень анализа ситуаций общения;

- в) особой поведенческой пластичности как способности к ситуативному выбору модели поведения: модель поведения всякий раз выбирается в зависимости от характера конкретной ситуации – в одних ситуациях мультикультурная личность в качестве наилучшей модели поведения может выбрать американскую модель, в других – японскую и т.д., т.е. обладает способностью по желанию включать разные культурные коды.

- Конструктивная маргинальность – обретение идентичности особого рода, которая включает кроме жизненных принципов, характерных для родной культуры, жизненные принципы других культур.

- ПКЛ не совершает ошибок межкультурной коммуникации и в совершенстве владеет межкультурной компетенцией.

P.S: Метафора, которая определяет духовную сущность мультикультурной личности, – «*Гражданин Мира*».

Межкультурная компетенция складывается на всем пути формирования ПКЛ.

Большинство исследователей признают идею о социальной ценности ПКЛ. Более того, формирование ПКЛ можно считать сверхзадачей мультиязыкового образования.

Формирование ПКЛ – сложный и небезболезненный процесс в психофизиологическом отношении: он чреват раздвоением личности, а последнее грозит психическими заболеваниями, включая шизофрению [13: 275–276]. Поэтому закономерный вопрос, который возникает в связи с формированием ду-

ховной структуры поликультурной личности, – стоит ли пускаться в этот опасный путь; не слишком ли велика и оправдана ли та цена, которую, возможно, придется заплатить за возможность стать такой личностью?

Вопросы для самоконтроля

1. Чем языковые барьеры отличаются от культурных?
2. Что такое культурный шок и чем он отличается от культурного столкновения?
3. Кто в мировой практике межкультурной коммуникации является авторами моделей аккультурации?
4. Перечислите основные этапы восприятия межкультурных различий, входящие в содержание перечисленных выше моделей аккультурации.
5. Какие элементы включает межкультурная компетенция?
6. Перечислите черты, составляющие портрет поликультурной личности.